

суффикс *-ло*. Сопоставление предполагаемого марийского корня *чо-* с осет. *čus* 'малый (по количеству)' сомнительно и с семантической точки зрения. Марийское слово является заимствованием, ср. чув. (Ашм.), вир. *чол*, *чоллă* 'около, приблизительно'. Чувашское слово восходит к старому *чохлă, что исключает возможность заимствования в обратном направлении.

В работе иногда не упоминаются мнения, отличающиеся от точки зрения автора, например, этимологию мар. *рвезе* 'ребенок, парень, юноша' SKES (с. 438) объясняет иначе (с. 100). В связи с этимологией мар. *йштö* 'пояс' (с. 111) Гордеев отмечает, что трудно доказуемо сопоставление мар. *йштö* с коми *вöн*, фин. *ууö*, венг. *öv* то же, приписывая его Г. Берецки. Принадлежит же это сопоставление Буденцу и под вопросом его принимают как MSzFE (с. 520—521), так и SKES (с. 1829—1830). Гордеев на основе мар. *йштö*, мар. *йштö* реконструирует общемар. **just-*, что не может соответствовать действительности. В марийском языке *j* никогда не исчезает перед *и*, перед *й* в большинстве говоров тоже сохраняется. Таким образом, литов. *juosta* 'пояс' вопре-

ки большому сходству нельзя связать с мар. *йштö*.

В конце третьей главы пересматриваются балтийские заимствования — по терминологии автора — волжско-пермских языков. Что касается пермских языков, до сих пор в них балтийские заимствования не выявлены. Предлагаемые автором этимологии, на мой взгляд, не приемлемы, так что прежняя точка зрения остается в силе.

В заключении 28 строк посвящено тюркскому лексическому пласту марийского языка и чуть больше страницы русским заимствованиям — это нарушение пропорции. Число достоверных иранских заимствований, которые попали в марийский язык во время его самостоятельного развития, около 15, число тюркских заимствований примерно в 150 раз больше. Неоспорим факт, что на разных этапах истории финно-угорских языков различные языки иранского типа играли значительную роль, но судя по малочисленности заимствований, в самостоятельной жизни марийского языка дело обстояло иначе.

ГАБОР БЕРЕЦКИ (Удине)

<https://doi.org/10.3176/lu.1987.4.11>

И. С. Галкин, Марий исторический лексикологий. Тунемме кыга, Йошкар-Ола 1986. 72 с.

И. С. Галкиным опубликован целый ряд работ, но при всем разнообразии своего творчества он остается историком языка. В предлагаемой рецензии речь пойдет о новой работе исследователя — учебном пособии по лексикологии, адресованном в первую очередь студентам Марийского государственного университета.

Книга включает следующие разделы: введение (с. 2—23), членение марийской лексики на различные исторические пласты (с. 23—36), заимствованная из других языков лексика (с. 36—66), особенности развития современной марийской лексики (с. 66—68).

Во введении, помимо постановки вопроса, рассматриваются основные источники исследования марийской исторической лексикологии: 1) современный марийский язык и его диалекты; 2) письменные памятники; 3) данные родственных языков;

4) заимствованные слова; 5) условно-профессиональная лексика (арго) и другие марийские языковые приобретения; 6) детский язык; 7) ономастика. В качестве первого письменного памятника марийского языка отмечается книга Н. Витзена, где, впрочем, сказано, что мордовский и марийский языки так сходны, что разницу между ними можно сравнить с разницей между верхнемецкими и нижнемецкими диалектами (с. 6—7). Приводятся полезные данные о первой грамматике марийского языка (1775), о некоторых рукописных и опубликованных словарях, оставивших глубокий след не только в истории марийского, но и многих других языков народов Поволжья и Перми (Словарь Дамаскина, записки Палласа и некоторые другие). Не лишены интереса сведения о книгах религиозного направления, а также двуязычных словарях.

В XIX веке начинается научное изучение марийского языка. В исследовании языков большую роль играют данные родственных языков, тем более что марийский язык, как считает автор, возник по меньшей мере 1700—1900 лет назад. Особенно ценны данные других финно-угорских языков (мордовских, финского, коми, удмуртского). Автор отмечает, что марийцы за свою долгую историю соприкасались с разными народами — иранцами, балтами, монголами, тюрками и русскими, оставившими в их языке следы в виде заимствованных слов. Общеизвестно важное значение ономастического материала для выяснения истории народа. Например, встречающиеся в северной половине Чувашской АССР топонимические названия марийского происхождения свидетельствуют о том, что там когда-то жили марийцы (с. 14—15). Введение завершает обзор литературы, посвященной сравнительно-историческому исследованию марийского языка за последние 150 лет.

Переходя к рассмотрению исторических пластов марийской лексики, автор пишет, что до половины IV тыс. до н. э. существовали уральские племена (или палеосибирские и палеоевропейские), восточнее жили предки самодийских народов, а западнее — финно-угры. По оценке И. С. Галкина, в марийском сохранилось около 200 слов уральского праязыка. Автор делит их на 14 семантических групп. Эти слова отражают материальную культуру своего времени, но вошли в основной словарный фонд марийского языка (с. 23—25).

В обзоре марийской лексики, восходящей к прафинно-угорской эпохе, автор пишет, что на запад от прасамодийских племен, в бассейне Волги и Камы, зародился прафинно-угорский язык — это произошло еще до III тыс. до н. э. По причине экстенсивного характера экономики прафинно-угры между III и II тыс. рассеялись вплоть до Балтийского моря. По оценке И. С. Галкина, от финно-угорского праязыка в марийском сохранилось более 200 слов, которые он распределяет по 17 семантическим категориям (с. 25—27); из эпохи финно-пермской языковой общности в марийском сохранилось лишь 60 слов. (с. 27—28).

Особо занимает автора вопрос о финно-волжском праязыке и его лексике. На

его взгляд, корневых слов, общих для финского, мордовского и марийского языков, немного — всего 50, но из них половина марийских слов точь-в-точь соответствует прибалтийско-финским словам (с. 28—31). Некоторые из них попали в марийский язык, на наш взгляд, из чувашского (*сeвaш*, *тырxaш*). В финно-угроведении марийский и мордовские языки объединяют в т. н. волжскую группу, исходя из наличия общей лексики. Эта общность в известной мере подтверждается данными материальной культуры и археологических находок, относимых к позднегородецкой культуре. И. С. Галкин приводит 50 марийских слов с их соответствиями в эрзянских и мокшанских диалектах (с. 31—34).

Приводя список из 67 слов, общих для марийского и пермских языков, И. С. Галкин замечает, что 27 из них общие для всех трех языков, 29 — для марийского и удмуртского языков.

Исследователи никогда не отрицали наличия в финно-угорских языках индоевропейских вкраплений, в частности индоиранских (арийских) в марийском. Это находит подтверждение в историко-географических данных, но как индоиранские элементы проникли в прамарийский язык, сказать трудно. Например, Ф. И. Гордеев мар. *йдыр* 'дочь' сближает с авест. *духтар*, последнее имеет многочисленные родственные формы в таких же древних индоевропейских языках, а также в современных (см. М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, т. I, с. 533). Или мар. *ен* сближается с санскр. *яна* 'человек', мар. *вате* 'жена' с санскр. *вадху* 'молодая жена', мар. *чызе* с осет. *дзидзы* 'сосок, грудь' и т. д., почему не принимать во внимание чув. *сын* 'человек', *ватя* 'старый', *чѣчѣ* 'сосок, женская грудь'? Ведь последние, независимо от их какой бы ни было первоначальной формы, ближе всего стоят к марийскому. Автор пишет, что трудно согласиться с М. Федотовым, считающим мар. *вате* чувашским заимствованием. Однако еще Рамstedт писал, что чув. *ватя* > мар. *вате* и приводил монгольские, тюркские и тунгусские соответствия (Г. И. Рамstedт, *Введение в алтайское языкознание*, Москва 1957, с. 149).

Удивляет, почему мар. *вара* 'потом' сближается с осет. *фарон* 'прошлый год',

мар. *чоло* 'приблизительно' с осет. *пыс* 'маленький', мар. *туп* 'спина' с ягн. *тепа* 'холм', мар. *пушто*: *мўкшкырвушто* 'желудок (у животных)' с ягн. *пуст* 'кожа человека и животного, шкура' (с. 41), когда для иранских форм наиболее подходящие соответствия имеются в чувашском языке: *вара* 'потом', *чол(о)* (< *чохлэ* ~ тюрк. *чаклы*) 'столько', *тўпе* 'вершина, верхушка; возвышение (холм)', *пус* (иран. -т перед с, как правило, выпадает) 'шкурка-копейка' (восходит к тому времени, когда шкурки служили обменной монетой, что свойственно было многим древним народам). Подобный список соответствий и несоответствий при желании можно продолжить, но дело не в количестве сближений и расхождений. Прежде всего надо выяснить, о каких иранизмах идет речь — индоиранском или новоиранском (новоперсидском) языке, в составе последнего в свою очередь имеется масса тюркизмов. Такой анализ не обязателен для учебного пособия, но чтобы утверждать о восхождении какого-либо марийского слова к раннесарматскому или позднесарматскому (выражения Ф. И. Гордеева) языкам, необходимо иметь доказательств.

Это замечание относится и к т. н. балтийским заимствованиям (с. 43—46). Трудно сказать, если ли в марийском балтийские заимствования и сколько их. В. Томсен, например, писал о нескольких подобных словах. Но как доказать, что мар. *пõрт* непосредственно восходит к литов. *pirtis* 'баня'? Ведь и в древнерусском существовало *перть* то же (ср. еще рус. *паперть*). Здесь, на наш взгляд, лучше вести речь о балто-славянском происхождении мар. *пõрт* (> чув. *пõрт/пўрт* 'дом').

Ф. И. Гордеев, — пишет автор книги, — число балтизмов в марийском языке доводит до 19. Дело опять-таки не в количестве, а в доказательности. Нет смысла мар. *вольык* сближать с литов. *givuliai* (дано без значения), поскольку здесь очевидно чувашское заимствование с общетюркским аффиксом *-лык* от корня *вай* 'сила'; не стоит мар. *пераш* 'ударить,

стукнуть' сближать с литов. *perfi* 'хлестать баннным венником, бить', латыш. *peert* то же; мар. *пер-аш* не выходит за пределы тюркских слов (чув. *пер-* ~ тат. *бар-*), что отмечали Вихманн, Рамстедт, Ряснен. Балтизмы Ф. И. Гордеева доверия не вызывают.

Далее автор переходит к рассмотрению гуннских, болгарских (старочувашских), чувашских заимствований в марийском языке (с. 46—56). Этот раздел представляет собой извлечение из наиболее надежных исследований, посвященных тюркским заимствованиям не только в марийском, но и в пермских языках. Только рано еще утверждать, что в марийском языке имеется около 300 болгарских (старочувашских) слов. Исследователи продолжают обнаруживать все новые находки.

Татарские заимствования хронологически моложе чувашских. По диалектам и говорам марийского языка они распределяются неравномерно. В восточном наречии, по подсчетам Н. Исанбаева, их более 2000, в луговом (Мари Турекский, Параньгинский, Моркинский р-ны) — 400, в горномарийском — 200, а в северо-западном — около 70.

Значительное место отведено монголизмам в марийском языке, причем среди них 23 проникли через старочувашский, 15 — через татарский, 27 — через чувашский или татарский языки, а два — через русский язык (с. 59—64).

Народы Волго-Уральского региона несколько столетий находились в сфере влияния русского языка. Особенно большие изменения в жизни носителей тюркских и финно-угорских языков произошли после Великой Октябрьской социалистической революции. Марийский, как и другие языки, обогатился большим количеством русских заимствований.

Книга И. С. Галкина с пользой послужит повышению уровня знаний студентов по теоретическому и практическому курсу марийской лексикологии.

М. Р. ФЕДОТОВ (Чебоксары)